

УКРОЩЕНИЕ „ТАЙФУНА“

*Маршал Советского Союза И. С. Конев
о некоторых аспектах истории битвы под
Москвой.*

Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева мне довелось интервьюировать много раз и по совершенно различным темам и поводам. Член Центрального Комитета нашей партии, выдающийся советский полководец, старый коммунист, он и поныне сохранил в своем характере многие бесценные черты юного комиссара гражданской войны. Маршала Конева интересуют все богатства жизни, но прежде всего — рискну выделить — наша могучая Советская Армия, патриотическое воспитание молодежи, военно-историческая наука, литература.

Я сделал этот вывод, встречаясь и беседуя с Иваном Степановичем в разные годы и в разных обстоятельствах. Наконец, в его рабочем кабинете, о котором хочется сказать несколько слов. Право же, это удивительный кабинет. Огромный стол «забит» папками, книгами, рукописями... Они же на полках и в шкафах. И все это связано с четырьмя годами Великой Отечественной войны, начиная с четырех утра 22 июня 1941 года и кончая 9 мая 1945 года и памятным Парадом Победы на Красной площади в Москве. Все это слито с самыми трудными, как сказал нам маршал, и, быть может, самыми важными в его (добавлю от себя — удивительной) жизни. На первый взгляд трудно разобраться здесь, в этом огромном «бумажном хозяйстве», но лишь на первый взгляд, ибо все здесь имеет строгую, внутреннюю систему и свое логическое место. Вот сейчас, к примеру, на столе лежат папки подлинных, еще никогда не публиковавшихся военных документов начала Отечественной войны, великой битвы

за Москву, что, кстати, и было темой нашего предстоящего разговора. В ноябрьский день 1971 года я позвонил Ивану Степановичу, прося его ответить на некоторые вопросы, связанные с битвой за Москву. Он согласился. А уже через два дня, утром, позвонил сам и сказал:

— Давайте по тревоге. Приезжайте сейчас, сегодня можно спокойно поговорить...

Естественно, через полчаса я уже был у маршала, в его знакомом, тесном от работы, кабинете.

Быть может, это покажется несколько необычным, но наша первая шестичасовая беседа, посвященная 30-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, началась с некоторых событий совсем уже далекого 1921 года. А произошло это так: готовясь к встрече с полководцем, я перелистывал газеты героической осени 1941 года, читал мемуары, публикации и другие издания и совершенно неожиданно в одной из книг увидел сделанную в августе 1941 года, на Западном фронте, фотографию, которую давно помню, хотя, признаться, и не знал ее истории.

Снимок запечатлел уголок смоленского леса, в один из трудных летних дней. У стола — командующий 19-й армией генерал-полковник И. С. Конев, группа офицеров. В руках командира — какие-то документы. То была суровая напряженная пора. Захватив дорогой ценой Смоленск, устилая каждый метр советской земли трупами немецких солдат, Гитлер, однако, продолжал гнать свои армии на Москву. Шли тяжелейшие сражения. Видимо, обо всем этом командарм-19 говорил писателям — Александру Фадееву, Михаилу Шолохову и Евгению Петрову, которые только что прибыли сюда на армейский КП Конева, в густом лесу у смоленской деревни Василисино, которая в тот день была всего лишь в трех с половиной километрах от гремевшего переднего края.

— Да, Фадеев, Шолохов и Петров в те трудные дни гостили в нашей 19-й армии, — вспоминал Иван Степанович Конев. — Приезд трех известных советских писателей в суровые августовские дни стал для нашей армии большим событием. С Михаилом Шолоховым и Евгением Петровым мне прежде не доводилось так близко встречаться. А вот с Сашей Булыга, то бишь с Александром Фадеевым мы давно дружили...

Иван Степанович вспомнил далекий 1921 год, когда

Фадеев, комиссар бригады приамурских партизан, и он, Конев, комиссар бригады Красной Армии, — два делегата X съезда партии целый месяц ехали из Читы в Москву. Едва ли не от самой Читы им пришлось пилить деревья, заготавливая дрова для паровоза. В районе Ишима и Петропавловска они не раз брались за винтовку, чтобы, как выразился маршал, «приводить в порядок контрреволюционных повстанцев». Наконец, начиная от Омска, надо было расчищать и восстанавливать разрушенные пути... Вот так целый месяц они ехали в одном купе, беседовали, спали рядом, ели из одного котелка, правда, ложка у каждого была своя и торчала она, как полагается, из-за голенища солдатского сапога...

Два молодых комиссара — дальневосточный и забайкальский, партизанский и армейский, — они были в зале заседаний X съезда партии, с предельным вниманием слушали Ленина, а потом вместе, добровольцами, отправились в Кронштадт на подавление контрреволюционного мятежа.

...И вот, много лет спустя, в августе сорок первого судьба их снова свела вместе на смоленской земле, в годину грозной опасности для Родины.

— А почему Фадеев, Шолохов и Петров приехали именно в 19-ю армию? — спросил я маршала.

— Потому, что 19-я армия, сражаясь тогда в районе Духовщины, именно в эти дни нанесла ощутимый контрудар, истребив много вражеских танков, солдат и офицеров. В те трудные дни первого лета войны, когда нам не хватало пушек, танков, авиации, — солдаты и офицеры 19-й армии бесстрашно шли на врага и крушили его. Полки 19-й армии в том сражении под Духовщиной уничтожили 130 гитлеровских танков. И каждый солдат теперь воочию мог убедиться, что эти вражеские тапки можно и пужно жечь. Сожженные фашистские чудовища оставались на поле недавнего боя. Фадеев, Шолохов, Петров приехали сюда, чтобы своими глазами увидеть все это. Нельзя не заметить, что бои на смоленской земле на два месяца задержали наступление Гитлера на Москву. Эти бои имели очень большое значение для последующего развития военных событий здесь, на Московском стратегическом направлении. Смоленское сражение показало, что пресловутый «план Барбаросса» дал трещину, и попытки Гитлера взять Москву, так сказать, с хода, не увенчались успехом.

...Историография битвы под Москвой уже давно насчитывает не один десяток томов, не считая большого документального наследия, которое хранится у ветеранов войны, в архивах, и еще ждет своих исследователей. Маршал Иван Степанович Конев — не только один из участников этой битвы, но и неутомимый исследователь ее истории. Поэтому нам прежде всего хотелось услышать его оценку обстановки на Московском стратегическом направлении осенью 1941 года.

— Эта большая, обширная тема, и я отмечу лишь некоторые важные черты той, носившей зловещий характер обстановки на Западном фронте,— отвечал маршал.— Да, все усилия врага были тогда сосредоточены на главном Московском стратегическом направлении. Может быть в первые месяцы войны мы еще не знали во всех деталях разбойный план фашистского командования, но одно отлично понимали: главной целью летом 1941 года Гитлер ставил захват Москвы, полагая, что после этого Красная Армия прекратит сопротивление и война будет закончена. «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель, будь то мужчина или женщина, или ребенок, не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой»,— такие указания своим генералам, действовавшим на Московском направлении, дал Гитлер во время совещания в штабе группы армий «Центр».

Можно сказать с полным основанием,— продолжал маршал,— что уже в критические дни лета 1941 года, когда наш Западный фронт был разорван на части, мы понимали, что Гитлер и его генералы стремятся охватить Москву гигантскими стальными клещами. Вот почему тяжелые оборонительные бои, полные героизма, которые вели войска Западного фронта в июле — августе — сентябре, были столь важны. Именно в эту пору Западный фронт, в том числе и наша 19-я армия, в районе Смоленска, Ярцева, Духовщины нанес врагу ряд контрударов, а войска Резервного фронта, которыми командовал генерал армии Г. К. Жуков, отбросили противника из района Ельни. Мы отлично понимали, что в этих боях надо любой ценой сдерживать продвижение врага, надо выигрывать время, столь необходимое Верховному Главнокомандованию для подготовки стратегических резервов. И действительно, героическая борьба Красной Армии в июле — сентябре 1941 года позволила Ставке выпол-

нить эту гигантскую работу: на рубеже Днепра был создан Резервный фронт в составе шести армий, создавались крупные стратегические резервы, строились оборонительные полосы между Смоленском и Москвой. В середине сентября восточнее Смоленска враг был остановлен.

Масштаб и характер Смоленского сражения оказали большое влияние на многое. По моему глубокому убеждению, Смоленское сражение сыграло очень большую роль в срыве планов врага взять Москву. Непрерывно нараставшее сопротивление наших войск, их героическая борьба спутали все карты противника, снизили темпы его наступления на Москву, Ленинград, Киев... Вот почему неправы те исследователи, военные историки, которые пытаются отделить Смоленское сражение от Московской битвы. Совершенно очевидно, что эти события органически связаны, даже слитны. Не понимая этого, невозможно понять весь сложный динамический характер грандиозной битвы за Москву.

— Какие силы противник стянул для наступления на Москву и в какой мере командование Западного фронта в те дни было осведомлено о планах врага? — спрашиваю Ивана Степановича.

— Только в сентябре 1941 года немецко-фашистское командование, решив, что его фланги теперь обеспечены, приступило к подготовке главного удара на Москву. С этой целью оно стянуло около 80 дивизий, из них 14 танковых и 8 моторизованных, то есть более миллиона солдат и офицеров, около 1000 самолетов, 1700 танков, 14 000 орудий и минометов. Но простые арифметические подсчеты соотношения сил и средств в этом случае все же не показывают реально сложившейся обстановки. Дело в том, что у противника была высокая подвижность войск, превосходство в авиации, танках, артиллерии не только в количественном, но и в качественном отношении. Я вступил в командование войсками Западного фронта 12 сентября 1941 года. Кстати говоря, мой предшественник, маршал С. К. Тимошенко, вынужден был, выполняя приказ Ставки, так быстро отправиться на Юго-Западное направление, что даже не успел передать командование и на первых порах мне пришлось удовлетворяться лишь информацией начальника штаба Западного фронта генерала В. Соколовского. Я пытался связаться с маршалом С. Тимошенко по «ВЧ», но безуспешно, хотя

старому и новому командующему было полезно обсудить некоторые острые вопросы стратегической обороны... Следует отметить, что наш Западный фронт имел в ту пору только шесть армий. Это — 16-я, 19-я, 20-я, 22-я, 29-я, 30-я армии. В их составе насчитывалось 33 дивизии, которые обороняли 300-километровый фронт на рубеже озера Пено — Андреаполь — Ломоносов — Ярцево — Новые Яковлевичи. В минувшие три месяца — июль, август, сентябрь — войска фронта, ведя тяжелейшие бои, понесли серьезные потери и поэтому в ослабленном состоянии переходили к обороне. Тем не менее, в период 10 — 16 сентября надо было перейти к жесткой устойчивой обороне, создавая систему противотанкового огня...

— Известно, что 14 сентября 1941 года, то есть на третий день после вашего назначения командующим Западного фронта, вы были вызваны в Ставку. С чем это было связано?

— Да, это так. Сталин хотел получить самую свежую информацию о состоянии дел на фронте. Однако беседа в Ставке не исчерпывалась делами только нашего фронта. Здесь, в присутствии членов ГКО, Верховный Главнокомандующий решил обсудить и некоторые другие вопросы, связанные с ведением войны, например, об учреждении полководческих, командирских орденов. Я, например, предложил учредить орден Красного Знамени с мечами. Но Сталин говорил об учреждении орденов Суворова и Кутузова. Это предложение показалось и мне правильным. Верховный Главнокомандующий тут же поручил пачальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулеву разработать статут новых орденов... Однако вернемся к событиям тех дней на самом Западном фронте. В какой мере командование фронта разгадало намерения врага и какие меры оно принимало?

...Маршал взял со стола большую папку, в которой хранились копии боевых документов командования Западного фронта за сентябрь — октябрь 1941 года... Многие из этих документов еще недостаточно исследованы и, конечно же, нуждаются в очень серьезном изучении. Особую ценность имеют допросы сбитого 22 сентября на Западном фронте немецкого летчика самолета «мессершмитт-109». Фашист дал архиважные, подтвержденные далее всеми видами нашей разведки, показания.

Я читаю донесение Верховному Главнокомандующему и начальнику Генерального штаба, подписанное Военным

советом Западного фронта -- Коневым, Лестевым, Соколовским и переданное в Ставку 26 сентября в 15 часов 30 минут. В документе сказано, что противник непрерывно подводит резервы из глубины по ж.-д. Минск — Смоленск — Кардымово и по шоссе Минск — Смоленск — Ярцево — Бобруйск — Рославль. Противник создает свои группировки на фронте 16-й, 19-й, 20-й армий Западного фронта и против Резервного фронта в районе Рославля на Спасо-Демянском направлении. «По показаниям пленного летчика, — сказано далее в донесении, — противник готовится к наступлению в направлении Москвы с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленск — Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного летчика, до 100 дивизий всех родов войск».

— Здесь надо сделать некоторое пояснение, — замечает Иван Степанович. — Цифра «100» поначалу показалась нам сомнительной — пришлось провести специальную проверку. И что же? Как было затем установлено, на московском направлении Гитлер сосредоточил до 80 дивизий. И как теперь точно известно, в операции «Тайфун», целью которой был захват Москвы, участвовало 77 дивизий врага. По возможности я слежу за публикациями, посвященными второй мировой войне и издающимися в разных странах Запада. В огромном своем большинстве эти публикации или вообще обходят молчанием историческое значение великой победы Советской Армии под Москвой, но это, как говорится, господь с ними, с так называемыми западными военными историками... Но когда они все же пишут о московской битве, то старательно обходят то важнейшее обстоятельство, что Гитлер бросил в бои за Москву не просто 80 своих дивизий, а самые лучшие свои армии, свою главную ударную силу...

Таким образом, еще в сентябре 1941 г. командование Западного фронта знало и своевременно информировало Ставку о планах противника, знало и готовилось к отпору, учитывая то обстоятельство, что тогда наш фронт еще не имел достаточно сил. Наши дивизии насчитывали 4—5 тысяч бойцов и офицеров (дивизии противника имели до 15 000, как говорится, активных штыков). На один километр фронта у нас было всего лишь семь орудий. Наш

фронт имел 479 танков, в том числе только 45 «Т-34». Но существу, каждая наша стрелковая дивизия держала 15—20 километров фронта. К тому же шесть дивизий были отведены во фронтовой резерв, две из них Ставка вскоре взяла себе.

— Вот так обстояли дела в середине сентября, когда командующий группой фашистских армий «Центр» — генерал-фельдмаршал Бок издал печальной памяти директиву № 1300/41 о подготовке наступления на Москву. Именно в этом документе гитлеровское командование зашифровало свое предстоящее наступление на Москву операцией «Тайфун». Советской Армии предстояло укротить его. Это была задача исторического масштаба, и наша армия, советский народ, руководимый партией и ее Центральным Комитетом, успешно решили ее.

Битва за Москву непосредственно началась 30 сентября 1941 года, когда немецко-фашистская танковая группа нанесла удар по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки. А на рассвете 2 октября начали наступление основные силы группы армий «Центр». Развернулись ожесточенные Вяземское и Брянское оборонительные сражения. Советские войска мужественно встретили удары гитлеровцев, но силы были неравными: противник имел большое превосходство, особенно в танках и в другой боевой технике. Хотя враг уже был изрядно бит героически сражавшейся Красной Армией, все же тогда он еще был в зените своей военной мощи. Нельзя забывать, что в битву за Москву он бросил значительные ресурсы захваченных европейских стран, рассчитывая взять Москву и победно завершить войну с Советским Союзом еще до наступления зимних холодов.

События бурно развивались. Основной удар пришелся на стык 30-й и 19-й армий. Против четырех стрелковых дивизий 30-й армии враг бросил 12 дивизий, из них три танковых и одну моторизованную, — всего более 400 танков. Бесстрашно сражались наши бойцы: они сожгли не один десяток танков, уничтожали живую силу врага. И все же, не считаясь с потерями, фашистские танковые группы смогли рассечь фронт, окружить часть сил Брянского, Западного и Резервного фронтов в районе Брянска и западнее Вязьмы.

О боях под Вязьмой уже много написано, — продолжал маршал, — и вместе с тем хочу подчеркнуть, что советские воины и здесь, в труднейших условиях ок-

ружения, героически дрались. Под Вязьмой отчаянно бились двенадцать дивизий Западного и четыре Резервного фронтов. Всей этой группой войск командовал командарм-19, один из талантливейших наших военачальников и бесстрашных героев Отечественной войны, генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, скончавшийся в мае 1971 года. Бессмертный подвиг генерала Лукина навсегда сохранится в истории нашей Родины...

«Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона», — докладывал генерал Лукин Военному совету фронта. И это было действительно так. Войска 19-й, 20-й и 32-й армий, сражаясь в окружении и втянув в бой 18 фашистских дивизий группы армий «Центр», навесли им тяжелые потери, которые Гитлеру нечем было возместить. Это были труднейшие дни. Наши воины отлично понимали, какая тяжелая угроза нависла над Москвой. Партия мобилизовывала все великие силы народа на защиту столицы. Здесь, в Москве, продолжали работать Политбюро ЦК партии, ГКО, правительство. Можно сказать с полным основанием, что в архитрудные дни октября 1941 года наши армии сдерживали главные силы врага. Эти бои родили тысячи новых, пестрине отважных советских героев. Одним из них является генерал Михаил Федорович Лукин. Получив на поле боя тяжелое ранение ноги и руки, он сражался поистине, как герой, до последней минуты.

...Здесь я хочу воспользоваться минутной паузой и сделать небольшое отступление. В начале мая 1971 года генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, который давно был дружески связан с «Литературной газетой», пришел к нам, в редакцию, торжественно взволнованный предстоящим праздником — Днем Победы. Он вспоминал бои под Вязьмой в сорок первом году, павших боевых друзей, фантастический (так именно он и сказал!) героизм солдат и офицеров, — вспоминал, то и дело приговаривая: «А ведь с той поры уже прошло почти тридцать лет... Даже не верится. Вязьма, Вязьма! — кто ее забудет?».

— Я прослужил в нашей Красной Армии, считай, не один десяток лет, — говорил мне Михаил Федорович, — бывал в боях, видывал виды... Но то, что всем нам довелось пережить под Вязьмой, такое было впервые. День и ночь, неделя за неделей наши дивизии в окружении

били врага, и как били — насмерть! Раненые отказывались выходить из боя. На место павших вставляли все новые и новые бойцы. Все кругом пылало...

...Да, забыть то, что произошло в осенние дни сорок первого года под Вязьмой, где в огненном окружении сражались армии генерала Лукина, не может никто: и те, немногие из выживших героев, и те кто читал об этом... Михаил Федорович Лукин с суровым мужеством, под огнем, руководивший этим архитяжелым, но славным боевым делом, собирался написать, подробно и обстоятельно, о событиях под Вязьмой осенью сорок первого года, и кое-что успел сделать...

— Надо все это описать до последней подробности, ибо тогда, под Вязьмой, солдаты наши грудью закрыли врагу дорогу на Москву... Не знаю, как уж там получится, но я все запишу. Если только времени хватит и эта штука не подведет,— сказал Михаил Федорович, показывая на сердце...

А через две недели, майской ночью 1971 года герой Вязьмы — генерал Лукин внезапно умер...

— Как дальше, Иван Степанович, развивались события в те памятные дни октября 1941 года на Западном фронте? — спросил я маршала Конева, возвращаясь к хронологии битвы за Москву.

— 4 октября я позвонил по телефону «ВЧ» в Ставку и доложил И. В. Сталину о положении на Западном фронте, о прорыве обороны и об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 16, 19 и 20-й армий нашего фронта. Выслушав доклад, Верховный Главнокомандующий, однако, не принял решение. В это время связь оборвалась, и мне пришлось по телеграфу «Бодо» разговаривать с начальником Генштаба маршалом Б. М. Шапошниковым. Охарактеризовав обстановку, я предложил отвести войска фронта с рубежа Вонь на Гжатский оборонительный рубеж.

— Доложу Ставке,— ответил Борис Михайлович.

— К сожалению, лишь на следующий день, 5 октября, мы получили ответ,— продолжал Иван Степанович.— Но еще до получения согласия Ставки я уже отдал приказ командармам об организованном отходе. Я сделал это, понимая всю глубину ответственности, понимая, что за нами — Москва!.. События тех дней сжались до такой суровости и драматичности, что я должен был это сделать. Речь шла о самом трудном — отходе с боями. К со-

жалению, до 1941 года наши войска серьезно почти не изучали этот вид боя, и жизнь взяла с нас суровую плату...

Нельзя здесь не сказать об ошибке Ставки, которая своевременно не объединила командование двух фронтов — Западного и Резервного... Одним словом, 4 октября 1941 года я считаю самым ответственным для себя днем, за все четыре года Великой Отечественной войны, — под черкнул маршал И. С. Конев.

А страшное напряжение нарастало. Ценой новых огромных потерь гитлеровцам опять удалось потеснить наши войска. Положение становилось критическим. Штаб Западного фронта переместился в район Красновидова, западнее Можайска. Сюда, 10 октября 1941 года, на КП фронта прибыли В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. М. Василевский. По поручению Верховного Главнокомандующего Молотов потребовал, чтобы 5—6 дивизий были переданы с фронта в резерв Ставки для Можайского рубежа. Я доложил, что приказ о выводе войск и выделении пяти дивизий для переброски их в район Можайска уже отдан. К сожалению, сложившиеся тогда условия позволили выйти только одной дивизии.

— Когда было объединено командование Западного и Резервного фронтов?

— Это произошло в тот же день, 10 октября. Изучив обстановку, находившиеся на КП Западного фронта представители Ставки приняли предложение нашего Военного совета и мое, в частности, немедленно объединить Западный и Резервный фронты в один Западный фронт. Командующим фронтом был рекомендован генерал армии Г. К. Жуков, назначенный 8 октября командующим Резервным фронтом. Этот важный документ 10 октября 1941 года в 15.45 был передан по телеграфу «Бодо» в Ставку Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. 12 октября, как свидетельствует другой документ, генерал армии Г. К. Жуков принял, а я сдал командование войсками Западного фронта. Затем я немедленно выехал через Москву в Калинин, где создалась тяжелая угроза обхода Москвы фашистскими войсками с северо-запада. Военный совет Западного фронта предложил мне отправиться на Калининское направление, объединить там руководство боевыми действиями 22-й, 29-й, 30-й и 31-й армий, а также сделать все необходимое, чтобы в районе Калинина гитлеровские соединения были остановлены.

— Что же потом произошло на Калининском направлении?

— На Калинин из Сычевки наступали главные силы 3-й танковой группы и часть сил 9-й армии врага. 12 октября они взяли Погорелое, Городище, Зубцов, Лотошино, Старицу... До города Калинина оставалось совсем немного, а это значило, что угроза обхода Москвы с северо-запада становилась жестокой реальностью. Я прибыл в г. Калинин вечером 12 октября. Положение было крайне тяжелым, ибо войск там у нас не было, враг бомбил город. Пылали пожары...

...О тех трудных днях славного города Калинина я слышал не раз из уст его защитников. Рассказывали мне и об инциденте, произошедшем тогда в здании Калининского облвоенкомата с Иваном Степановичем Коневым.

— Действительно, так оно было? — спрашиваю маршала.

— Что было, то было! — улыбаясь, подтвердил он. — Только я приехал в Калинин, сразу же в облвоенкомат. Город под вражеским огнем, надо немедленно организовать оборону, эвакуацию женщин, стариков... Звоню по телефону секретарю обкома партии тов. Бойцову — так, мол, и так обстоят дела... А тут слышу — шум во дворе военкомата: сюда пришли сотни женщин и стариков, требуют вагонов и машин, которых у нас не было... Весь день я провел в пути, в машине, устал изрядно. «Дайте мне срочно кровать — пару часиков хочу соснуть!» — говорю военкому. Через несколько минут в одной из комнат была установлена кровать — и я прилег... Слышу, военком вышел во двор и говорит людям: «Не тревожьтесь, товарищи, идите домой — все будет в порядке: командующий заснул на пару часов. Проснется, все сделает, и все будет в порядке». И знаете — поверили! Воцарилась тишина, я прикинулся спящим и все-таки немного отдохнул. В это время у нас еще не было связи со Ставкой по «ВЧ» или «Бодо». Я расположил свой КП в деревне Змиево, что рядом с г. Калинином. Там произошел любопытный эпизод: карандашом на странице из полевой книжки я написал донесение Верховному Главнокомандующему о положении в г. Калинине и вручил ее летчику, летевшему в Москву (позже я узнал, что донесение было доставлено по адресу). А потом вызвал офицера-связиста и сказал ему: «Всех твоих бойцов награжу орденами — дай связь со Ставкой». — «Нет связи», — ответил офицер. «А может

быть в обход, через междугородную, или как-нибудь иначе?» — спросил я. И что же вы думаете, через два часа докладывает: «Связь «морзе» есть, у аппарата Ставка — генерал Василевский». — «Товарищ Конев, Ставка решила создать Калининский фронт, — сказал он. — Прошу Вас принять все меры, чтобы не допустить обход Москвы с севера». Меня назначили командующим новым фронтом. Кстати, командующий в тот час был единственный в штабе фронта действующей единицей, ибо других офицеров здесь еще не было.

В результате срочных мер, принятых Ставкой, а также моих распоряжений в районе г. Калинина в короткое время были сосредоточены 5-я, 133-я, 256-я стрелковые дивизии, 8-я и 21-я танковые бригады, а также часть сил подходившей 29-й армии. Войска подходили не одновременно, и все же в ходе сражения удалось остановить врага на Калининском направлении, не дать гитлеровцам обойти Москву с севера.

Несмотря на то что у нас было меньше сил (в районе г. Калинина враг сосредоточил 15 пехотных, 4 танковых, 2 моторизованных дивизий и одну учебную бригаду), план гитлеровского командования все же здесь был сорван. Не обсуждая всех трудных обстоятельств наступательных боев за г. Калинин, хочу лишь отметить, что войска фронта освободили город, разгромив 9-ю фашистскую армию. Это была крупная победа, которая ликвидировала большую опасность обхода столицы врагом с севера.

В первых числах декабря 1941 года, к началу контрнаступления, Красная Армия на Московском направлении еще не имела численного превосходства над противником. Но близость врага к нашей столице настоятельно требовала устранить эту опасность. Ставка своевременно приняла решение о переходе в решительное контрнаступление с целью разгрома фашистской группы армий «Центр». Для решения этой задачи Ставка привлекла войска трех фронтов — Западного, Калининского, Юго-Западного. На Московском стратегическом направлении Красная Армия развернула свое гигантское наступление. По призыву партии вся страна поднялась на защиту Москвы. Мир имел возможность убедиться в стальном единстве партии и народа, в неодолимой силе нашей Родины и ее армии.

Коммунисты, как всегда, были впереди. Контрнаступление было сокрушительным. Гитлер потерял под Москвой

полмиллиона солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий... На запад, на 150—250 километров, были отброшены фашистские войска. Еще никто не бил Гитлера так, как под Москвой это сделала Красная Армия. Нельзя в этой связи не отметить важной роли в битве за Москву Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Победные итоги битвы под Москвой имели поистине историческое значение. Это было начало решительного поворота не только в ходе Великой Отечественной войны, но и во всей второй мировой войне. Победа под Москвой стала началом крушения гитлеровской Германии. Под Москвой Гитлер потерял не только цвет своего войска и огромную часть техники, но и быллой престиж. Битва под Москвой показала поистине титанические силы нашей Родины, великого единства партии и народа, ваших могучих Вооруженных Сил. Мир увидел, что они способны уничтожить любого врага, который рискнет напасть на нее. Я знаю — битву под Москвой будут помнить и говорить о ней через 50, 100, 300 лет: «Это была великая победа партии Ленина, созданного им Советского государства, победа очень важная для утверждения социализма на земле!»

* * *

...Наш долгий, шестичасовой разговор с маршалом Иваном Степановичем Коневым завершился обсуждением некоторых литературных проблем.

— Советская литература по-солдатски сражалась за Родину и под Москвой, и во все годы Отечественной войны, — сказал маршал. — Признаться, я сердечно отношусь к ней. Многого, очень многого жду от нее, хотя порой, не скрою, испытываю и некоторые огорчения... Впрочем, это не мешает моим давним дружеским связям со многими писателями-фронтовиками. Да, советская литература уже основательно поработала над героической темой Отечественной войны. Теперь ее, по моему мнению, ждет движение в глубь материала. Мы, читатели, верим, что получим крупные, быть может, даже вершинные произведения о великом подвиге нашей партии, руководимого ею народа в годы Отечественной войны.

— Любопытно узнать, чем же все-таки практически закончился ваш разговор с Александром Фадеевым, Михаилом Шолоховым, Евгением Петровым тогда, в августе сорок первого года, в лесу под Смоленском?

— Фадеев обещал написать о нашей 19-й армии, Шолохов — тоже. Но — увы! — только один Евгений Петров сделал это на страницах «Правды». Александр не смог почему-то выполнить обещание, да и наш дорогой казак тоже... Впрочем, те замечательные произведения, которые были созданы Фадеевым и Шолоховым о мужестве советского человека в годы Отечественной войны, думается, впитали в себя и те впечатления, которые наши друзья-писатели получили в трудные дни августа сорок первого года во время Смоленского сражения. Но книги — пишутся. И я знаю — самые большие книги о победе под Москвой в 1941 году еще впереди!

Когда интервью было написано и набрано, я, как обычно, показал гранки собеседнику. Иван Степанович внимательно прочитал их, внес добрую дюжину поправок и уточнений... Интервью продолжалось еще четыре часа. Я, конечно, торопил, как мог, ссылаясь на то, что газета не может опаздывать...

— А вы слушайте советов древних и торопитесь медленно, — посоветовал Иван Степанович, — так делал у нас на фронте один неведомый солдат. Помнится, когда на дорогах появились стрелы «До Берлина — 2000 км», «До Берлина — 500 км», он, неведомый, дописывал: «Ничего, пройдем!» Я приказал найти этого остроуслова — хотел его медалью за солдатский труд и боевое остроумие наградить, но — увы! — не нашли... Он ведь тоже торопился, правда, медленно, то есть прочно, наверняка... Так и под Москвой дело делалось. Наверняка и на века!